

ЖАН БАХЫТ: ОБРАТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

В Париже, в штаб-квартире ЮНЕСКО, прошла Международная научно-практическая конференция «Модернизация общественного сознания: модель Нурсултана Назарбаева». Как известно, в своей программной статье «Рухани Жаңғыру» Глава государства ставит перед творческой интеллигенцией, Союзом писателей Казахстана задачу не только всемерно способствовать сохранению казахской культуры и традиций, национального кода и национальной идентичности перед угрозами глобалистического мира, но и продвижения, интеграции казахстанской культуры, искусства, литературы в мировое духовное и художественное пространство.

В рамках конференции состоялась презентация сборника стихов известного казахстанского поэта, писателя, кинодраматурга, общественного деятеля Бахытжана Канапьянова «Обратная перспектива» в переводе на французский язык. Бахытжан Канапьянов – заслуженный деятель Республики Казахстан, заслуженный работник культуры Республики Казахстан, лауреат Всероссийской премии имени Антона Дельвига, премии имени Мухтара Ауэзова Казахского ПЕН-клуба. Награжден орденом «Парасат», медалями Казахстана, России, Украины, кавалер ордена «За вклад в культуру» Международного комитета мира и согласия (Москва). Он лауреат ряда международных литературных премий, среди которых «Алаш», «Тарлан», премия Всемирного поэтического конкурса (Нью-Йорк, США). Член правления Европейского Конгресса литераторов (Прага), где представляет регион Центральной Азии и Казахстана.

Первые стихи поэта были опубликованы в 1975 году в журнале «Простор» с благословения Олжаса Сулейменова. Сегодня Б. Канапьянов – автор свыше тридцати книг поэзии и прозы, вышедших в издательствах Казахстана, России, Украины, США, Великобритании и Малайзии, его поэтические произведения публикуются в периодической печати ближнего и дальнего зарубежья, вошли в литературные антологии многих стран.

В презентуемом на конференции сборнике («Perspective inversee» – «Обратная перспектива», переводчик Thierry Marignac, S.L. Publications, Paris, 2017) собраны стихи разных лет. Эти «векзамеры» и «веклибры» (по выражению А. Вознесенского), насыщенные гулом современного мегаполиса и одновременно вечным ритмом Великой степи, представляет французским ценителям изящной словесности Тьерри Мариньяк, литератор, переводчик и страстный поклонник поэзии, как заявлено в аннотации, «заставивший заговорить казахскую музу на языке Расина и Гюго в ритме биения собственного сердца и поверх барьеров».

В интервью с Кирой Сагир, опубликованном в «Литературной газете», Бахытжан Канапьянов так ответил на вопрос о новом имени – Жан Бахыт, которое Тьерри Мариньяк дал казахскому поэту, и о том, чувствует ли он в себе перемену, ведь

говорят, что перемена имени меняет судьбу человека: «Думаю, что и новое имя, и название моего французского сборника как-то взаимосвязаны между собой. Судите сами, если раньше имя Бахытжан переводилось с восточного, с тюркско-казахского «Счастливая душа», то теперь «Душа счастья». Так что святые компоненты, данные мне родителями, остались именно в силу той самой обратной перспективы нашего бытия. Хотелось бы, чтобы «Душа счастья» была не только в версификациях, но и отчасти в реале. У меня даже есть стихи, написанные недавно на эту тему.

JAN BAKHYT

Всю душу вперед выставляю,
А счастье встает за душой.
А что будет дальше? – не знаю
За этой завесой сплошной.

По-прежнему будет дорога
Вести на иной поворот.
По-прежнему выйдет тревога
За черными птицами нот.

А дальше что будет – то будет,
Не смыть мне морщины со лба.
По-прежнему строчками судит
От звездного неба судьба».

Прозаик, поэт, член Французского и Русского ПЕН-клубов Кира Сагир, во многом способствовавшая выходу книги казахстанского поэта на французском языке, в своем предисловии к сборнику пишет:

«Поэзия понимается Канапьяновым как особого рода “art magnum” – духовная практика сохранения и передачи той энергии, что называют любовью. На его поэзию (как, впрочем, на поэзию вообще) возложена миссия свыше: быть проводником “глагола вечной жизни”, излучающего свет невечернего дня.

Бахытжан Канапьянов – гунн, кочевник. И его русская Муза на караванных путях звучит очистительным зороастрийским гимном. «Трубный глас» (как говорили когда-то) его поэзии призван охранять человеческую душу от порчи – вопреки всему.

Надо надеяться, что избранные строки богоизбранного поэта из Казахстана в переводе на язык Бодлера и Превера преодолению пропасть, отделяющую перевод от подлинника, и найдут отзвук в сердцах самых рафинированных французских любителей поэзии».

На презентации также отмечалось, что дух казахской поэзии в русских стихах Канапьянова оказался близок и понятен всему миру. Его строки и строфы ценят на всех континентах. Стихи поэта переведены на английский, грузинский, малазийский, киргизский, таджикский, польский, французский, финский, якутский, немецкий, корейский языки, его книги издаются в Лондоне, Бостоне, Торонто. Сейчас к ним прибавилась книга, изданная в Париже.

Выступая на Международной научно-практической конференции «Модернизация общественного сознания: модель Нурсултана Назарбаева» Бахытжан Канапьянов, в частности, говорил:

– У представителей современной литературы Казахстана те же проблемы, характерные для писателя или поэта, живущего и творящего в любой точке Земли, во времени и пространстве бытия начала третьего тысячелетия. Единственным мерилom творческого становления является неистребимая человеческая память, вобравшая в свои потайные сферы метакод тюркско-казахского фольклора, образы которого не раз через века преломлялись и перевоплощались посредством технологий современности (айпад, интернет, айфон) в мифические образы двадцатого столетия. И опять же, повторяю, невидимой нитью через произведения современных писателей и поэтов проходит тема вечной памяти – во имя будущего, ибо настоящего, как такового, нет, оно постоянно перетекает из прошлого в будущее. Думаю и уверен, что этот день, 17 октября 2017 года, останется в нашей памяти. Во имя нашего будущего. В этом я вижу и формат Международной научно-практической конференции «Модернизация общественного сознания: модель Нурсултана Назарбаева».

Предлагаем вниманию читателей «Простора» выступление в штаб-квартире Юнеско на презентации книги Бахытжана Канапьянова «Обратная перспектива» ее переводчика Тьерри Мариньяка, в котором прозвучали интересные размышления об общих для всех литераторов, занимающихся переводом, проблемах, и рецензию на представляемую книгу профессора, литературоведа Кристофера Жерара из Брюсселя (Бельгия).

Любовь Машкова

МЕЛОДИЯ БЕСКРАЙНЕЙ СТЕПИ

Для начала я хотел бы поблагодарить Бахытжана Канапьянова – казахского поэта, которого мне, к счастью, довелось перевести, и Министерство культуры Казахстана, пригласивших меня в ЮНЕСКО на Дни казахской культуры. Затем я хотел бы отметить следующее – и без ложной скромности: главное достоинство литературного переводчика – оставаться невидимым. Если читатель забывает о переводчике – значит, он талантлив. Если о переводчике вспоминают – значит, это плохой переводчик. Ибо достоинство настоящего переводчика – в его умении переложить чужую мелодию, воссоздав ее на ином наречии, и при этом оставаться за кулисами. Переводить, в истинном смысле этого слова, – скитаться в мире межъязычья и, в то же время, отслеживать на клеточном уровне общие лингвистические ниши. И тогда переводчик – прозрачная тень, невидимка – бывает вознагражден собственным упоением от своего стремления максимального приближения к подлиннику.

У каждого переводчика, тем не менее, свой стиль – в моем же случае – ибо я тоже литератор – налицо легкость адаптации к чужому, умение вслушаться в чужую мелодию и перевоплотиться. И для меня, литератора, такое расширение диапазона – бесконечное обогащение новыми литературными приемами и методами. Автор шести десятков переводов на французский с русского и английского – я в полной мере осознаю, как много я, литератор, почерпнул благодаря этим упражнениям в стиле.

Перевод блистательной поэзии Бахытжана Канапьянова для меня представляет новый вызов. Я не знаю ни Средней Азии, ни Казахстана, хотя много путешествовал по России и Украине. Мне надо было влезть в новую шкуру – ведь, невзирая на классичность (в некоторых аспектах) поэтического творчества Бахытжана, – в его русском языке мое ухо различало тюркскую мелодию, эхо бескрайней степи. Мне надо было полностью погрузиться в мир эпосов, легенд, обычаев кочевых племен – все историко-культурное наследие, определяющее через метаморфозы сменяющих друг друга эпох мировоззрение, лиричность, – образную мощь, стиль, в котором перемежаются ярость и нежность, древность и футуристичность, современное и вневременное.

Самое потрясающее, самое уникальное в этой поэзии – ее музыка, ставшая для меня открытием. Жарким европейским летом, в городе, где я трудился над стихами Бахытжана Канапьянова, я различал в них звон домбры, горловое пение, куда вплетались электронные постмодернистские обертоны современного урбанизированного мира. Я различал особую манеру письма собрата – также автора и переводчика, ибо Канапьянов перевел многих крупных казахских поэтов. В мощном ритме цепочки ассоциаций я различал биение пульса путешественника, инженера, человека, идущего в ногу со временем, а еще – боксера. И подобный тесный контакт почти смущает – если речь идет о незнакомце.

Но благодаря этим Дням Казахстана в ЮНЕСКО я смог встретить Бахытжана Канапьянова и понять, что портрет, нарисованный мной в воображении за время многих дней работы по воссозданию его мира по-французски, в конечном счете был верным и совпал с обликом человека, с которым мы наконец смогли взглянуть в глаза друг другу, – человека талантливого и великодушного. Слава Тенгри, Бахытжан оказался тем самым человеком, которого я прозревал, работая над его стихами. А самое главное – мой мир обогатился появлением нового друга, а мое интеллектуальное пространство – новыми горизонтами.

Главная миссия переводчика – наведение мостов между культурами, которые он возводит, оставаясь зачастую неведомым миру. Сегодня я с законной гордостью говорю, что выполнил свою задачу и почти ни в чем не ошибся. И я благодарю за это Бахытжана, который меня направлял, а также Киру Сапгир, самую парижскую из всех парижских русских. Не будь ее, эта неожиданная встреча никогда бы не произошла. И еще раз – благодарю казахское Министерство культуры, предоставившее мне возможность высказаться с трибуны ЮНЕСКО.

Мерри Мариньяк
переводчик

ЖАН БАХЫТ, ПОЭТ АРХИФУТУРИСТ

Родившийся в Казахстане под конец правления Сталина, русскоязычный поэт Бахытжан Канапьянов, известный теперь под псевдонимом Жан Бахыт, является необычной, выдающейся личностью: инженер-металлург и продюсер кино, боксер (чемпион Казахстана в 1968 году), активист антиядерного движения (он участвовал в очистке Чернобыльской зоны), независимый редактор, одним словом, человек в процессе одновременно архаического и футуристического.

Очень молодым этот потомок Чингисхана публикует свои первые стихи, которые привлекают внимание того, кто станет его наставником, – Олжаса Сулейменова, одного из величайших казахских писателей, будущего посла в Риме и в ЮНЕСКО, одного из лидеров антиядерного движения. Как и Сулейменов будучи инженером по профессии, Бахыт начинал с научных исследований, прежде чем пойти по другому пути – к кино и к поэзии.

Уже переведенный на десяток языков, он все еще оставался малоизвестным для франкоязычной публики, отсюда интерес к публикации в издательстве «Manufacture des livres» этого первого сборника (Жан Бахыт. Обратная перспектива. SL Publications. Изд-во «Manufacture des livres». 216 с.), замечательно переведенного на французский язык другим боксером – Тьерри Мариньяком.

Последний хорошо объясняет в своем послесловии сложность перевода поэзии, особенно когда она проистекает из вселенной, являющейся полной противоположностью нашей. Бахыт пишет на русском языке, но мыслит на казахском, являясь потомком тюрко-монгольских кочевников. Вот где заключается сильный характер человека и его поэзии: он переводит на язык Ахматовой и Пастернака казахских поэтов старшего поколения, отдавая дань эпическим, ожившим в воображении поэта, степям Центральной Азии. А Мариньяк переписывает эту метаморфозу на язык Валери. Меня изумляет и восхищает, как точно переводчик передал силу души казахов.

В стихах Жана Бахыта поражает их глубоко пантеистический, языческий характер. Как и его предки-рапсоды, Бахыт никогда не представлял себе поэзию как четко обозначенное движение. Объединяя в своих произведениях богатство русского поэтического опыта XX века, он воспевае и могущество «каменных идолов, которых никто не называет», и верность предкам, и признание, благодаря наставникам, горных серн и диких гусей, и берега центральноазиатских рек, названия которых заставляют думать о шаманах. Да, он шаман, этот вдохновенный поэт, который восклицает: «Я сын мира, я верю в его вечность / О, земля степей, мы виноваты перед тобой». Шаман, который воспевае тумены, эти батальоны времен Чингизхана, и все еще живучий культ лошади: «Пение захлестывает, копыта в такт / Подо мной лошадь счастлива / Содержание забытой мелодии / в моем сердце рождает огонь».

Бахыт, «поэт и восхищенный астролог на полставки», то напоминает о «большом терроре» 1937 года и лагерях, затерянных в тумане, то воскрешает в памяти огни Москвы или голубые ели Алма-Аты...

Очищающий голос, превозданный в самом глубоком смысле этого слова, воспроизведенный не столько с честностью, сколько с талантом.

Кристофер Жерар
профессор, литературовед

Перевод с французского *Киры Сангур*

